

УДК 355(9)

Личность офицера в системе корпоративных отношений в войсках (на примере Сибирского военного округа II половины XIX – начала XX вв.)

Т. В. Федорова

Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск

В статье рассматривается процесс развития личности офицера в системе корпоративных отношений в войсках дореволюционной Сибири. В связи с тяжелыми условиями быта служба в данном регионе не являлась достаточно престижной, но в то же время здесь отмечалось сохранение контингента офицерского состава. Этому способствовала сплоченность военных.

Ключевые слова: офицер, офицерское собрание, корпоративные отношения.

С точки зрения социальной роли корпоративность – «социальный клей» [2, с. 222], который соединяет воедино разрозненные территориально, но однородные по своему составу и социальному назначению единицы. Это соединение в офицерской среде осуществлялось посредством соблюдения многих правил, ставших традициями:

- признание обществом офицеров ответственности за поступки каждого, что, конечно же, не умаляет ответственности и самого офицера за совершенное им;
- требование согласовывать свои действия и поступки, поведение и образ жизни с требованиями офицерской этики и кодексом офицерской чести;
- солидарность в отстаивании чести мундира, достоинства офицерского звания и требований справедливости в отношении членов корпорации;
- недопустимость разглашения фактов, имевших место в офицерской среде;
- исключение злословия, злорадства в оценке поведения других офицеров, проявления непопорочности и т. п.;
- верность слову, обещанию, устному заявлению, готовность исполнить обещанное и безусловное выполнение принятых на себя обязательств;
- соблюдение внешних знаков приличия, товарищества и чинопочтения, особенно в гражданском обществе, общественных местах;
- готовность каждого члена корпорации офицеров прийти на помощь товарищу, нуждающемуся в ней, даже без формальной на то просьбы;

– проявление искреннего сочувствия тем, кого постигло горе, несчастье, неудача и т. п.

В перечне моральных ценностей офицерства главное место всегда занимало понятие о личной чести. Свидетельством тому является особый свод правил поведения, получивший название Кодекса чести. Специфика данного культурного феномена заключается в том, что он формировался исключительно на основе корпоративных традиций, и его легитимность рассматривалась офицерством на уровне официальных правовых норм. Это помогало ощутить военному свою неординарность в ряду соотечественников и поддерживать статус своей социальной группы. Согласно традиции офицер не должен был подвергаться каким бы то ни было наказаниям, затрагивающим его достоинство как человека, в отличие от других подданных. Человек, подвергавшийся телесным наказаниям, не мог быть произведен в офицеры.

Приоритет чести в перечне моральных категорий офицерского корпуса подтверждает законодательное закрепление в конце XIX в. такого вида социально-культурной деятельности, как военный клуб, получивший название «офицерского собрания».

Заведование собранием возлагалось на особый комитет. Устав допускал две категории участников собрания – членов и посетителей. Членами могли быть офицеры, находящиеся на военной службе, состоящие при строевых частях врачи, а также генералы и адмиралы запаса и в отставке. Посетителями считались военные и морские врачи, офицеры запаса и в отставке. По уставу 1874 г. членами офицерского собрания были офицеры части. Гражданские лица пускались в него в качестве гостей, которые допускались в собрание только на балы, спектакли и концерты. Подпрапорщики, эстандарт-юнкера и подхорунжие допускались в столовую, пользовались библиотекой и участвовали в тактических занятиях, но всякие игры в собрании им воспрещались.

Полковой командир как единственное лицо, целиком отвечающее за свою часть, являлся естественным руководителем офицерского собрания. Хозяйственно-распорядительные функции осуществлялись по выбору офицеров. Существовала должность (обер-офицерская) «хозяин офицерского собрания». В деятельности собрания обязаны были участвовать все офицеры части, внося на его содержание небольшие взносы.

В Приамурском военном округе регулярно, в начале каждого года, офицеры переизбирали членов распорядительного комитета гарнизонного собрания. Комитет заведовал денежными суммами и имуществом собрания. Он состоял из офицеров частей округа, а также Амурской речной флотилии, Хабаровского окружного арсенала и Хабаровского кадетского корпуса. Кандидатов от частей округа и вышеперечисленных структур делили на пять групп, каждая избирала членов и кандидатов в члены распорядительного комитета [3]. Также переизбирался хозяин гарнизонной библиотеки [4].

Что касается конкретных правил деятельности офицерского собрания, то здесь была предоставлена довольно большая свобода: каждое офицерское собрание имело право вводить те или иные изменения и дополнения, разви-

вающие положения устава офицерского собрания. Собрание играло значительную роль в деле социокультурного становления личности офицеров, в том числе в подготовке к поступлению в военные академии. Организовывались разборы военных компаний прошлого на картах и на макетах местностей, совместное чтение трудов военных классиков [6, с. 152]. Из государственной казны выделялись значительные средства на общественную, научную и духовную деятельность, в которой военные чины принимали самое активное участие.

Все офицерские собрания русской армии выписывали газету военного министерства «Русский инвалид», а также независимый журнал «Разведчик», которому дал право на гарантированное существование император Александр III. Он первым из царской фамилии подписался на этот журнал в 1890 г.

В состав собрания Иркутского, Омского, Хабаровского гарнизонов входили высококлассные специалисты, многие из которых имели и боевой опыт. Учреждение офицерских судов чести имело важнейшее значение для формирования чувства корпоративной гордости офицерства и его ответственности за охрану достоинства воинской службы. Этому суду подлежали обер-офицеры, проступки которых не попадали под действие военно-уголовных законов, но считались несовместимыми с понятиями о чести офицерского звания. На суд возлагался также разбор ссор между офицерами.

Офицерские суды состояли из всех обер-офицеров полка. Производство дознания возлагалось на совет посредников из пяти обер-офицеров (по одному от каждого чина), и если совет находил обвинение справедливым, то с разрешения командира полка мог предложить обвиняемому подать в отставку в трехдневный срок. Суд созывался по распоряжению командира полка под председательством одного из штаб-офицеров. Приговор выносился большинством голосов и представлялся по команде, но причина увольнения в Высочайшем приказе объявлялась только в том случае, если это признавалось необходимым самим обществом офицеров. Обжалованию приговор офицерского суда не подлежал.

По суду офицер мог быть подвергнут и заключению в тюрьме гражданского ведомства с увольнением со службы. Осужденный на увольнение со службы лишался всех орденов (кроме медалей за участие в войнах и походах) и приобретенных на службе преимуществ, кроме прав дворянства. Разжалование в рядовые также влекло лишение орденов и служебных преимуществ.

На повышение понятий о воинской чести и достоинстве офицерского звания был направлен закон 1894 г. о поединках в офицерской среде, согласно которому следственные дела о таких поединках могли оканчиваться без направления их в общем, судебном порядке.

Число офицеров, отдаваемых под суд, было незначительно, особенно если взять соотношение количества судимых офицеров и их общей численности за соответствующие годы. В 1825–1850 гг. один подсудимый приходился в среднем на 213 офицеров. В последующие годы количество офицеров на одного судимого составляло: в 1850 г. – 207, в 1851 г. – 166, в 1852 г. – 163, в 1853 г. – 178, в 1854 г. – 180, в 1855 г. – 195, в 1856 г. – 186, в 1857 г. – 208, в 1858 г. – 208, в 1859 г. – 229, в 1860 г. – 200, в 1861 г. – 221 [5, с. 169].

Наиболее частой причиной передачи офицеров под суд были проступки, связанные со службой. В первой половине XIX в. 1/3 составляли преступления по должности (наибольшее количество – 1849 год), 1/3 – уклонение от службы (1847 год), 1/4 – дерзость против начальства, неповиновение, нарушение чинопочитания (1842 год), 1/6 – растрата и утрата казенного имущества (1836 год) [1, с. 153].

Как показывает анализ, в эти годы подавляющее большинство преступлений было служебного характера, а общеуголовная преступность среди офицеров была очень незначительна и постоянно снижалась. В последней четверти XIX в. показатели сохраняются.

Из числа офицеров, преданных суду, значительная часть оправдывалась; в редких случаях они освобождались от суда по Всемилоштивейшим манифестам (особые заслуги и т. п.), оставались в подозрении (эта формула применялась при недостаточности улик) и подвергались церковному покаянию (за незначительные проступки нравственного характера).

Таким образом, можно сделать вывод, что личность офицера проходила развитие в корпоративной среде, которая определялась офицерским собранием. Собрание принимало решение, кто может быть допущен в эту «семью», а кто ее не достоин. В этой семье были и шалости молодых, и забота старших. Здесь, как и в обычной семье, могли и похвалить, и поругать. Но при любых обстоятельствах, достоинство полка для каждого офицера было на первом месте. Это в полном смысле «Братство и Семья», которое в двух словах характеризует быт русского офицера.

1. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования гос. имп. Александра Николаевича (1855–1880 гг.) / сост. М. П. Хорошихин. – СПб., 1879–1881. – Т. 4. – С. 153.

2. *Макаренко А. С.* Коллектив и воспитание личности / А. С. Макаренко. – М., 1972. – С. 222.

3. Приказ по Хабаровскому гарнизону. – 1916. – № 1.

4. Приказ по Хабаровскому гарнизону. – 1916. – № 4.

5. Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 3, кн. 1, отд. 3. Прохождение службы по военному ведомству : ист. очерк / сост. А. Н. Андроников и В. П. Федоров. – СПб., 1912. – С. 169.

6. *Чернов К. А.* Некоторые аспекты жизни и деятельности военного гарнизона г. Томска в конце XIX в. // Тр. Том. обл. краевед. музея. – Т. XIV. – С. 152.

1. Historical outline of the military authority activity in Russia during the first twenty five years of the successful reign of the sovereign emperor Alexander Nikolaevich (1855–1880-s.) / comp. M. P. Horoshihin. – SPb., 1879–1881. – V. 4. – P. 153.

2. *Makarenko A. S.* The collective and personality education / A. S. Makarenko. – M., 1972. – P. 222.

3. Khabarovsk garrison Order. – 1916. – N 1.

4. Khabarovsk garrison Order. – 1916. – N 4.

5. The Century of Military Ministry, 1802–1902. Vol. 4. P. 3. book. 1, dept. 3. The service in military department : historical outline / comp. A. N. Andronikov and V. P. Fedorov. – SPb., 1912. – P. 169.

6. *Chernov K. A.* Some aspects of the Tomsk military garrison life and activity at the end of XIX century // Transactions of the Tomsk regional museum. – V. XIV. – P. 152.

The Officer Personality in the System of Corporate Relations in Troops (by the Example of the Siberian Command in the 2-nd Half of the XIX and at the Beginning of XX Century)

T. V. Fedorova

Irkutsk State linguistic University

In article considers the process of the officer personality development in the system of corporate relations in Siberian troops at the prerevolutionary time. Owing to the difficult life conditions the service in the Siberian region wasn't considered prestigious enough, but then the officers contingent registered retention. The officers' solidarity facilitated it.

Key words: officer, officers meeting, corporative relation.

Федорова Татьяна Владимировна – *Fedorova Tatiana Vladimirovna* – *Post-graduate student of the Irkutsk State University, secretary, the Directory of the Institute of Cross-cultural Communication, the Irkutsk State linguistic University, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru*